

© 2000 г., ЭО, № 3

Ю.В. Иванова

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОДНОЙ КНИГОЙ

В годы становления в России этнографии/этнологии как университетской науки она была тесно связана с естественными науками, преподавалась в Московском и Петербургском университетах на кафедрах или отделениях географии физико-математических факультетов. Ведущие ученые проводили идеи тесного соприкосновения этнографии с антропологией и археологией. Д.Н. Анучин – профессор Московского университета, президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, один из основателей «Этнографического обозрения» и других специальных журналов – широко понимал антропологию как науку о человеке, как совокупность естественно-исторических и этнографических знаний о нем. Его методом был историзм, комплексное использование данных антропологии, археологии и этнографии – в научный обиход вошло понятие «анучинская триада»¹. В 1920-х годах в Московском университете функционировал этнологический факультет: история рассматривалась в то время как составная часть всеохватывающей науки о человеке – этнологии. Поборником этого направления был Н.Ф. Преображенский, возглавлявший в Московском университете этнографическое образование². Позже, после ликвидации этого факультета и основания факультета исторического с кафедрой этнографии в его составе, этнографическая наука заняла свое место в системе исторических знаний.

До второй мировой войны научная деятельность в области смежных наук концентрировалась в Ленинграде – в университете и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) Академии наук СССР. Там развивался тезис о концентрации гуманитарных знаний в рамках этнографической науки³. В Москве этнография была представлена Музеем народов СССР, многие сотрудники которого впоследствии стали известными этнографами и фольклористами – Б.М. Соколов, П.Ф. Преображенский, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Е.М. Шиллинг, Б.М. Куфтин (во время войны коллекции музея были эвакуированы и более он не восстанавливался).

В 1943 г. С.П. Толстову было поручено сформировать Московскую часть Института этнографии АН СССР. Ведущие специалисты этого учреждения не только в принципе поддерживали идеи Анучина и его современников, но и сами работали в разных областях смежных наук, изначально получив широкое образование: будучи студентами МГУ, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин и другие специализировались по кафедре антропологии (с 1923 г. ее возглавлял В.В. Бунак), С.П. Толстов, завершив антропологическое образование, поступил на этнологический факультет. Неслучайно ежегодные отчетно-экспедиционные сессии проводились совместно с Институтом археологии АН СССР, на них собирались этнографы, археологи и антропологи буквально со всех концов страны для живого обмена открытиями, мыслями и теориями⁴. Только в 1970-х годах эта практика прервалась. Нынешний Институт этнологии и антропологии РАН выдвигает иные приоритеты: этнография все более сближается с социологией и политологией.

Интерес к этногенетическим проблемам, разрабатываемым через совокупность этнографических и антропологических данных, характеризует ныне практику сибирских ученых⁵. Пример тому – книга, написанная проректором Забайкальского педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита) М.В. Константиновым «Оракулы века»⁶. Она содержит 13 очерков, посвященных выдающимся личностям, разнообразная научная и просветительская деятельность которых раскрывала «тайны истории и природы Сибири». Различные жизненные пути привели в Сибирь людей с весьма несхожими судьбами и характерами. А между тем, как утверждает автор, «история науки – это не только открытия, теории и дискуссии, но и в не меньшей степени реальная жизнь исследователей в конкретных условиях бытия и сознания. Практически

всегда наука сопряжена с преодолением жизненных обстоятельств, сопротивления властей и превратностей судьбы»⁷. Эта книга интересна тем, что непосредственно увязывает научную деятельность ее героев с обстоятельствами их жизни.

Внимание многих сосланных в Сибирь декабристов привлекала природа этой страны, образ жизни ее обитателей. Николай Александрович Бестужев (1791–1855), выйдя из тюрьмы на поселение в 1839 г. и оставшись безвыездно в г. Селенгинске, опубликовал большое число статей о природе Забайкалья, об археологических находках и быте забайкальских бурят. В первой половине XIX в. в систему российского образования обязательно включалось знакомство с Древней Грецией – в первую очередь через творчество Гомера. И вот пришла догадка: медные изделия, принадлежавшие предкам бурят и в изобилии встречавшиеся в Забайкалье, близки к вещам гомеровской эпохи – медного века (халколита или энеолита), а кочевой образ жизни их изготовителей находит место в цепи эволюции человеческой культуры. М.В. Константинов заключает: «Бестужев демонстрирует подход, составивший научную славу исследователя американских индейцев Л. Моргана... изложенный им (в более развернутом виде) почти на десятилетия позднее»⁸.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921), гораздо более известный как теоретик и практик анархизма, который выше всего «ставил свободу личности и добровольную кооперацию, отвергая террор и диктатуру»⁹, сознательно в двадцатилетнем возрасте избрал для себя службу в Сибири. Пребывая в различных должностях при губернаторе Забайкальской области и в многочисленных комиссиях, исполняя поручения административного и дипломатического характера, он объездил весь огромный край, побывал в неизведанных европейцами местах, отыскивая оптимальные скотопрогонные пути. Через публикации в московских газетах он познакомил своих соотечественников с сибирской действительностью. П.А. Кропоткин записывал наблюдения над социальной организацией автохтонного населения (отмечал «родовую солидарность» тунгусов, «коммунистические обычаи» бурят и т.п.), вникал в тяготы жизни бойдайбинских рабочих, амурских переселенцев, польских ссыльных. Можно утверждать, что он был первым из выдающихся обществоведов, непосредственно знавших жизнь сибирских народов. Для естествоиспытателей важна его теория материкового оледенения, без которой невозможно правильное понимание антропогенеза.

Иван Семенович Поляков – сын казака с берегов Аргуни, друг П.А. Кропоткина и спутник в его путешествиях – вошел в большую науку, максимально способствуя становлению археологии палеолита. Став сотрудником Зоологического музея АН в Петербурге, он осуществил много экспедиций (в частности, открыл палеолитическую стоянку Костенки на Дону), в которых придерживался принципа сочетания археологических и геологических исследований, одновременно делая зарисовки быта местных жителей.

Сосланные в Сибирь участники польского восстания 1863 г. Иван Дементьевич Чарский и Николай Иванович Витковский не имели специального образования и стали исследователями Сибири благодаря доброжелательному влиянию местной интеллигенции, что вообще характерно для сибирских горожан того времени. И.Д. Чарский открыл палеолитическое поселение «Военный госпиталь» в Иркутске – первый памятник плейстоценового времени на территории России, материалы которого доказывали одновременное существование в ту эпоху животных и человека. Н.И. Витковский впервые в России обнаружил неолитический некрополь – Китойский могильник.

Алексей Сергеевич Уваров – один из основателей Санкт-Петербургского (1846 г.) и Московского (1864 г.) археологических обществ, Русского исторического музея в Москве и организаторов Всероссийских археологических съездов – обращался к сибирским материалам в своем сводном труде «Археология России. Каменный период» (1881 г.).

Памятники богатой сибирской природы, предметы народного творчества сохранены трудами краеведов – специалистов и любителей. Сколько таких знатоков – истинных патриотов родного края приходилось встречать нам, этнографам, на своих маршрутах, принимая их помощь, отдавая дань уважения общему их свойству – бескорыстному служению своему делу! Профессиональным краеведом был Александр Александрович Половинкин, творчество которого началось в Чите. В дальнейшем он основал кафедру физической географии в Московском Государственном педагогическом институте, стал членом-корреспондентом Академии педагогических наук и автором школьных и вузовских учебников, а начинал он свою деятельность в области дальневосточного краеведения и популяризации археологии. В 1922 г. он издал книжку для детей «Что было на Черговом бугре», в которой в художественной форме изложил задачи археологической науки.

Многих краеведов-любителей вдохновили могучая природа Забайкалья, неизведанный до того времени мир коренных народов. Петр Саввич Михно (1867–1938) – учитель, а позже директор краевых музеев в Чите и Кяхте – приложил немало усилий для пополнения музея, испытывавшего в начале 1920-х годов

финансовые затруднения, археологическими, геологическими, ботаническими коллекциями, материалами по охотничьему промыслу местного населения, собранными в многочисленных экспедициях.

Краеведение входило в круг интересов писателя Владимира Васильевича Птицина, оставившего описания природы, особенностей быта населения Юго-Западной Даурии. Его спутник в многочисленных путешествиях учитель Александр Павлович Мостиц много сделал для забайкальской археологии, разыскивая памятники каменного века.

Краеведом стал врач Юлиан Доминиканович Талько-Грынцевич, который 16 лет (с 1822 по 1908 г.) прослужил в г. Кяхте. В качестве окружного доктора он объезжал или обходил пешком поселения бурят, казаков, охранявших границу, старообрядцев, предки которых были выселены из России в XVII в., лечил русского консула в Угре – столице Халка-Монголии, общался с далай-ламой, наблюдал китайцев в пограничье. Этнографические наблюдения, антропологические измерения (в частности, изучение расовых типов), археологические изыскания (вскрыто 500 древних захоронений, составлены периодизация и классификация погребальных комплексов) – все это поставило практикующего врача в ряд выдающихся исследователей Забайкалья.

В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» фигурирует студент Кириллов. Пробразом его стал Алексей Кириллович Кузнецов. Будучи членом нечаевской тайной организации «Народная расправа», он был приговорен к каторге и ссылке. Находясь в Восточной Сибири, молодой естествоиспытатель проявил себя недюжинным организатором в области педагогики, краеведения (создал музей в Нерчинске), библиотечного дела. В 1889 г. он переехал в Читу, занялся археологическими изысканиями, участвовал в организации краеведческого музея. Как один из лидеров Читинской Республики (1905 г.) он был отправлен на каторгу в Акатуй, позже переведен в Якутск, где тоже основал местный музей. В Чите в 1914 г. его стараниями был восстановлен сгоревший краеведческий музей. В 1920-е годы А.К. Кузнецов был известен в стране как видный музейщик (создатель четырех музеев!) и старейший краевед.

Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937) – петербургский профессор, сотрудник Музея антропологии и этнографии (1910–1917), член-корреспондент Английского антропологического общества и Государственной академии истории материальной культуры СССР, действительный член Американского антропологического общества – обосновался в Иркутске в 1918 г., когда в этом городе открылся первый в Восточной Сибири университет. В нем Бернгард Эдуардович заведовал единственной в Сибири кафедрой истории первобытной культуры (исторический факультет университета был закрыт в 1926 г.). Как и в более ранние годы, когда Б.Э. Петри, будучи еще сотрудником МАЭ, предпринял три долговременные экспедиции в Западное Прибайкалье, изучая быт, брачные нормы и религиозные верования бурят, так и в иркутский период в основе его исследований лежал принцип объединения наук о человеке¹⁰. Его деятельность служила многим ученикам образцом для подражания, стимулировала дальнейшее изучение Сибири. М.В. Константинов называет Б.Э. Петри палеоэтнологом, справедливо подчеркивая поиски этим ученым путей для понимания связей между обществом и природой¹¹.

То же следует сказать по существу обо всех названных выше исследователях: они пытались постигнуть закономерности, связующие стихию природы и жизнедеятельность человеческого общества, – именно то, что в современной этнографии определяется как система «человек–природа».

Автор книги «Оракулы времен» настойчиво проводит мысль о том, что деятели науки, культуры, просвещения создают вокруг себя особую ауру, где господствуют интеллект, свобода мысли, человеческое достоинство. В годы сталинского террора такие люди стали неудобны правящему режиму. Последовали закрытие исторических факультетов, пренебрежение к музейному делу и, наконец, физическая расправа с учеными в потоке тотальной шпиономании: от рук палачей пал в 1938 г. П.С. Михно, в 1937 г. трагически оборвалась жизнь крупнейшего ученого Б.Э. Петри.

Что же объединяет, заставляет воспринимать как единую когорту людей, живших и работавших в Восточной Сибири на протяжении более столетия, характеры которых были столь же различны, как и обстоятельства их жизни? Какие силы двигали декабристом Бестужевым, князем Кропоткиным, казачьим юношей Поляковым, польскими повстанцами Чарским и Витковским, врачом Талько-Грынцевичем? Прежде всего их роднит высокоразвитый интеллект, порождавший неуемную любознательность, острое чувство, влекущее к новому, необычному. Им была присуща активная деятельность, направленная на пользу общества: они создавали музеи, школы, библиотеки, хлопотали об основании местных отделов Русского географического общества (Троицко-Савское отделение РГО было открыто в 1894 г. при содействии Ю.Д. Талько-Грынцевича; находясь в тюрьме, арестованный в 1931 г. П.С. Михно беспокоился о судьбе этого общества, которому, по его мнению, грозила бедственная реорганизация). Б.Э. Петри прикладывал

усилия для организации при Иркутском университете кабинета археологии и этнографии с богатыми коллекциями, для пополнения университетской библиотеки. Все это делалось бескорыстно (очень поучительно для нашего времени!); истинные ученые понимали, что дружеские отношения между ними, умение поделиться интеллектуальным богатством сторицей вознаграждаются научными успехами. Эти качества помогли деятелям культуры преодолевать всевозможные трудности: выживать в условиях каторги и ссылки, восстанавливать разоренные и сожженные музеи (что выпало на долю П.С. Михно и А.К. Кузнецова), противостоять организационным неурядицам и политическим преследованиям.

Судьбы и труды многих забайкальских исследователей связаны с городом Кяхтой (до 1934 г. – Троицкосавск). Основанный еще в начале XVIII в. как крепостица для торговли с Китаем он со временем стал важным пограничным пунктом, городом купцов и промышленников. Как и в других сибирских городах, в нем формировалась местная интеллигенция, которая гостеприимно встречала ссыльных поселенцев – поляков, народников, анархистов (среди ссыльных – знаменитая Е.К. Брешк-Брешковская), хранила память о декабристах, читала новейшую общественную литературу, занималась просветительской работой в воскресной школе и Народном доме. Расположенный на границе с Монголией город стал пунктом отправления многих научных экспедиций: Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, Г.Н. и А.В. Потаниных, отсюда отправлялись бывший ссыльный Н.М. Ядринцев к верховьям Орхона, директор МАЭ В.В. Радлов на поиски ханских могил, отсюда начал свое знаменитое путешествие в Тибет Н.К. Рерих.

Особая творческая атмосфера поддерживала увлеченность кяхтинских краеведов, рождала, по словам А.П. Окладникова, «вирус археологии», который заражает людей страстью открывать необычное – в обычном и обыденном мире¹².

Купцы города не скупились поддерживать ученых. Один из них помог Ю.Д. Талько-Грынцевичу организовать бесплатную медицинскую помощь для бедных. Первое здание городского краеведческого музея было построено на средства А.Д. Старцева – родного сына декабриста Н.А. Бестужева, выросшего в семье кяхтинского купца Д.Д. Старцева. Так продолжилась декабристская культурная традиция. Этот музей действует и в настоящее время, он содержит уникальные по богатству и выразительности коллекции, в которых сошлись Восток и Запад, древность и современность.

Достижения исследователей Забайкалья лишней раз доказывают ту истину, что для успеха науки необходимы, во-первых, сочетание усилий специалистов нескольких смежных дисциплин и, во-вторых, преемственность поколений. Неслучайно рецензентами книги выступили известный петербургский археолог д-р исторических наук А.Л. Столяр и д-р геолого-минералогических наук С.М. Цейтлин. Признанный специалист по геологии четвертичного периода Сибири, С.М. Цейтлин был постоянным консультантом сибирских археологов, изучающих памятники палеолита. В его трудах «анучинская триада» получила дальнейшее развитие¹³.

Выразительным примером преемственности поколений служит упоминавшаяся выше популярная книга А.А. Половинкина «Что было на Чертовом бугре». Можно сказать, что именно этой книгой 75 лет назад А.А. Половинкин заложил основы школьной археологии, которая вошла в научно-педагогическую деятельность многих коллективов археологов современной Сибири. Эту увлекательную книжку приобрел в букинистической лавке в Ленинграде юный член археологического кружка при Эрмитаже, а ныне известный археолог А.Д. Столяр. Он сохранил ее и через пять десятилетий вручил читинским археологам; ныне она находится в Музее народного образования.

Из школы Б.Э. Петри вышли многие серьезные ученые, заложившие в наши дни новые научные направления. Среди них археологи Г.П. Сосновский (умерший в блокадном Ленинграде), Е.И. Титов, А.П. Окладников, который, как и другие иркутские и читинские археологи, двигаясь по следам И.Д. Чарского, сделал новые важные открытия. Он предложил также свою теорию формирования эвенков как этноса. К палеоэтнологической школе Петри принадлежали М.М. Герасимов и Г.Ф. Дебеч.

Г.Ф. Дебеч впервые прибыл в Кяхту в 1924 г., еще будучи студентом Иркутского университета. Он изучал музейные коллекции, совершал вместе с П.С. Михно походы по окрестностям. Потом были более далекие и сложные маршруты. Во многих последующих работах при решении проблемы этно- и культурогенеза Г.Ф. Дебеч использовал свои знания забайкальской археологии.

Уже в молодом возрасте, как и во всей дальнейшей деятельности, Георгий Францевич не поступался своими научными и общественными позициями. В ранней публикации он выступил как защитник своего учителя Б.Э. Петри, именно поэтому, по предположению М.В. Константинова, он опубликовал свою работу не в историческом, а в физико-математическом сборнике, где политическая подоплека была не столь заметна¹⁴. Георгий Францевич провел антропологические исследования на Камчатке и Чукотке, совершил

многочисленные экспедиционные выезды по всей нашей стране и за ее пределами, обобщил свои идеи в книге «Палеоантропология СССР» (1948), однако начало многогранной деятельности ученого было заложено в Сибири.

Учеником Б.Э. Петри был М.М. Герасимов. Его успехи начались в ранней молодости со случайного открытия палеолитической стоянки у с. Мальта на р. Белая (Восточная Сибирь), позже досконально изученной Петри и его сотрудниками. Был открыт комплекс погребений, жилищ, орудий и остатков животных, который стал эталоном археологических памятников древнекаменного века¹⁵. Все его последующие дела и открытия вплоть до метода пластической реконструкции¹⁶ были основаны на принципах палеоэтнографии, заложенных Петри.

Примечания

- ¹ Анучин Д.Н. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журн. 1916. № 1/2.
- ² Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929. С. 114.
- ³ Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа // Сов. этнография (далее – СЭ). 1971. № 2. С. 134–145.
- ⁴ Толстов С.П. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР // СЭ. 1956. № 3. С. 5–13; Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // Там же. 1963. № 1. С. 11–25.
- ⁵ Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // Этногр. обозрение. 1999. № 6.
- ⁶ Константинов М.В. Оракулы веков. Чита, 1997.
- ⁷ Там же. С. 4.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰ Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 57–80.
- ¹¹ Константинов М.В. Указ. раб. С. 56.
- ¹² Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Тр. Кяхтинского музея краеведения им. академика В.А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР. Т. 18. Улан-Удэ, 1961. С. 19.
- ¹³ Цейтлин С.М. Геология палеолита Средней Азии. М., 1979.
- ¹⁴ Дебец Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом фак-те МГУ. 1930. Т. III. № 2а. С. 151–169.
- ¹⁵ Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.
- ¹⁶ Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.

© 2000 г., ЭО, № 3

Б.А. К а л о е в. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. 393 с.

В издательстве «Наука» опубликована монография «Осетинские историко-этнографические этюды», посвященная решению ряда актуальных проблем этнографии осетин. Его автор – крупный этнограф-кавказовед, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Северной Осетии Борис Александрович Калоев, признанный классик современной кавказской этнологии.

Рецензируемая работа – результат многолетних исследований ученого. Несмотря на самый широкий диапазон научных интересов автора, сфера его предпочтений – проблемы этногенеза, этнической истории и этнографии.

В рецензируемой работе затрагивается широкий круг вопросов. Отдельные разделы книги являются расширенными вариантами более ранних публикаций, другие печатаются впервые. Структура обширной